

ФИЛОСОФСКО-ЛОГИЧЕСКАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ

О. Г. Ланно

The article offers a comparative review of two paradigms – philosophological and linguistic – that coexist in investigating the sphere of epistemic meanings. The comparison allows to reveal a number of distinctive features that mark the peculiarity of linguistic approach in studies of epistemic issues.

На сегодняшний день феномены знания и мнения активно изучаются в самых различных областях науки – языкознании, когнитивистике, социологии, политологии, сфере информационных технологий и др. Исследования проводятся в различных теоретических парадигмах – от позиции классического рационализма до постмодернизма и неклассической науки.

В основе лингвистического анализа эпистемических значений знания находятся логико-философские исследования знания и мнения как категорий познания (или эпистемологических категорий), история которых берет начало еще в античности. Основной мотив философского подхода к феноменам знания и мнения традиционно заключается в поисках способов их обоснования, критериев истинности и их соотношения между собой. Предметом эпистемологии – отдельного направления философии – является природа и границы человеческого знания, условия его достоверности и полноты [6 и др.].

В логике эпистемические смыслы рассматриваются сквозь призму истинностных свойств пропозиции на уровне ее логических операторов. Аппарат эпистемической логики позволяет ставить и успешно решать задачи выявления формальных свойств таких операторов и соответствующих им понятий, формулировки аксиом, выражающих эти свойства, и установления взаимосвязи между данными операторами и понятиями [12 и др.].

Развитие логико-философских идей в контексте лингвистических исследований становится возможным со второй половины 20 в., когда ситуацию в науке начинает характеризовать интенсивный обмен идеями между различными научными дисциплинами. Благодаря интердисциплинарному характеру развития общенаучной парадигмы эпистемические смыслы становятся объектом изучения в лингвистике, чему немало способствуют исследования в философско-лингвистическом (Л. Витгенштейн,

Б. Рассел, Н. Малкольм и др. последователи направления аналитической философии) и логико-лингвистическом направлении (П. и К. Кипарские, З. Вендлер, а также представители московской школы логического анализа языка).

Экстраполяция объекта оказалась плодотворной для языкознания: исследования глаголов и других единиц со значением знания и мнения способствовали решению ряда актуальных вопросов, таких, например, как роль модальности в высказывании, взаимосвязь семантики предиката и свойств вводимой им пропозиции, особенности употребления предикатов со значением ментальных состояний и их взаимосвязь с другими группами интенциональных предикатов, например, с предикатами восприятия или предикатами, обозначающими эмоциональные состояния [2; 3; 9 и др.].

Анализ работ, посвященных изучению данных вопросов, позволяет обнаружить преимущество лингвистических исследований эпистемической сферы с логико-философскими разработками. Преимущество проявляется не только в общности объекта исследования, но также в инструментах и методах анализа: понятия «пропозиционная установка», «интенциональность», «импликация истинности/ложности пропозиции» прочно утвердились в лингвистике, а такие изначально логические процедуры, как подъем отрицания, инверсия предиката и пропозиции и под. успешно используются для решения лингвистических задач. В то же время следует отметить ряд важных отличий, обуславливающих своеобразие лингвистического подхода в исследовании феноменов знания и мнения. Эти отличия обнаруживаются в следующих аспектах.

1. В философском понимании эпистемические смыслы предстают как феномены сугубо абстрактного порядка, а именно как гносеологические категории, по-разному отражающие действительность.

Лингвистические исследования эпистемических смыслов отличает стремление изучать не сколько смыслов сами по себе, сколько то, как они представлены в языке. На то, что понятия знания и мнения приобретают совершенно иной смысл, если их изучать на материале высказываний естественного языка, обратили внимание представители еще аналитической и лингвистической философии. Например, Джон Л. Остин отмечает, что если объективно существующее знание оспорено быть не может,

то высказывание, содержанием которого является некое знание (например, «Я знаю, что это щегол»), может быть не вполне достоверным или даже ошибочным [8, с. 55]. Подобную идею высказывает и Л. Витгенштейн: «Ведь кажется, будто “Я знаю...” описывает некое положение дел, удостоверяющее, что то, о чем знают, есть факт. <Однако> неверно, будто из высказывания другого человека “Я знаю, что это так” можно умозаключить: “Это так”» [4, с. 324].

В лингвистике интерпретация понятия знания, а наряду с ним и мнения рассматривается в рамках норм языкового употребления. Как отмечает И. Б. Шатуновский, проблема мнения, знания и других ментальных состояний является не столько философской, сколько лингвистической, и решать ее, соответственно, следует лингвистическими методами [12, с. 249]. Именно языковым средствам выражения эпистемических смыслов уделяется первостепенное значение в лингвистике, поскольку они представляют собой «самый надежный инструмент моделирования ментальных состояний, реконструкции ментального мира» человека [9, с. 56].

2. В логико-философских исследованиях эпистемическая оценка суждения проводится по правилам логического вывода в рамках критерия ‘истинно/ложно’, результатом которого становится строгая дихотомия значений ‘знание/незнание (мнение)’.

В лингвистике бинарное противопоставление ‘знание/мнение’ заменяется сложной системой оппозиций; эпистемическая среда делится на ряд зон, отдельные значения которых соотносимы по целому ряду признаков. К таким признакам исследователи относят, прежде всего, возможность верификации подчиненной предикату пропозиции, коммуникативный фокус в высказывании с эпистемическим предикатом, временную отнесенность эпистемического состояния, а также обязательность/необязательность его обоснования [5, 12 и др.]. В свете такого подхода эпистемическая сфера предстает как совокупность частных эпистемических значений (таких, например, как знание, уверенность, мнение-предположение, мнение-оценка и др.), тесно взаимосвязанных между собой и соотносимых друг с другом по различным параметрам.

3. На всем протяжении развития логической и философской мысли эпистемические смыслы исследуются преимущественно как имперсональные феномены. Так, знание понимается как

проверенный практикой результат познания действительности, в то время как мнение рассматривается как мысль, не апробированная необходимой аргументацией и данными фактической проверки.

В лингвистике анализ эпистемических значений тесным образом связан с субъектными характеристиками речевой деятельности, а модальность знания и мнения рассматривается в качестве важнейшего механизма субъективности языка. Более того, для лингвистических исследований релевантно именно «нахождение субъекта <...> в состоянии знания/полагания», в то время как действительное положение вещей не имеет определяющего значения для правильного употребления эпистемических единиц [5, с. 10].

Своеобразие лингвистической трактовки эпистемических значений в отношении такого параметра, как 'имперсональность/субъективность' отражено также и на терминологическом уровне: если в философских трудах знание и мнение фигурируют, главным образом, как 'феномены', то в лингвистике они понимаются скорее как 'концепты' – *неотъемлемые* составляющие концептосферы человека [1; 9 и др.].

4. В философии знание и мнение рассматриваются как самостоятельные феномены, нейтральные по отношению к ситуации. Похожее понимание имеет место и в логике, где проблема эпистемических смыслов решается на уровне предложения, что исключает из области исследования параметр ситуативности.

В лингвистике одной из наиболее плодотворных и конструктивных оказалась постановка вопроса о контексте употребления выражений, передающих эпистемические смыслы. Отправной точкой для исследований в данном направлении становятся работы лингво-философского характера, посвященные проблеме ситуативности значения эпистемических фраз типа *Я знаю* [7 и др.]. К выводу о важности учета фактора ситуации приходят и многие лингвисты. Активно исследуются такие особенности употребления эпистемических единиц, как контекстуально обусловленное сближение различных эпистемических смыслов, зависимость актуализируемого эпистемического значения от контекста диалога, а также ослабление семантики эпистемического глагола под воздействием стиливых особенностей [1, 10 и др.].

Таким образом, анализ как лингвистических работ, так и междисциплинарных исследований позволяет говорить о свое-

образии собственно лингвистических установок в отношении феноменов знания и мнения, находящем выражение в таких особенностях, как:

- исследование понятий знания и мнения в контексте их языкового употребления;
- отказ от бинарного представления эпистемической сферы и ее интерпретация как спектра эпистемических значений, соотносимых друг с другом по различным параметрам;
- рассмотрение эпистемических значений в аспекте категории субъекта как носителя эпистемической установки;
- учет контекста как фактора модификации эпистемических значений.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Основные ментальные предикаты состояния в русском языке / Ю. Д. Апресян // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой / Рос. Акад. наук, Ин-т славяноведения; отв. ред. Е.Е. Левкиевская. – М.: Индрик, 1999 – С. 44–57.
2. Арутюнова, Н. Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных прагматических контекстов: сб. науч. трудов / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1989. – С. 7–29.
3. Булыгина, Т. В. Чем обусловлена транзитивность знания? / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Знание и мнение: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – С. 75–82.
4. Витгенштейн, Л. О достоверности / Л. Витгенштейн // Философские работы: в 2 ч. / сост. М. С. Козлова. – М.: Гнозис, 1994. – Часть 1. – С. 321–405.
5. Зализняк, А. А. Функциональная семантика предикатов внутреннего состояния: автореф. дис. ... канд. филологич. наук : 10.02.05 / А. А. Зализняк; Ин-т языкознания АН СССР. – М., 1985. – 24 с.
6. Ильин, В. В. Теория познания. Эпистемология / В. В. Ильин. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 134 с.
7. Малкольм, Н. Мур и Витгенштейн о значении выражения «Я знаю» / Н. Малкольм // Философия. Логика. Язык: пер. с англ. и нем. / Сост. и предисл. В. В. Петрова; общ. ред. Д. П. Горского, В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 234–263.
8. Остин Л. Д. Чужое сознание / Л. Д. Остин // Философия, логика, язык / Общ. ред. Д. П. Горского, В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 48–95.
9. Рябцева, Н. К. Ментальный модус: от лексики к грамматике / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка: ментальные действия: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1993. – С. 51–57.
10. Салимовский, В. А. Семантический аспект употребления слова в функциональных стилях речи (на материале ряда семантических групп глаголов) / В. А. Салимовский. – Иркутск: изд-во Иркут. ун-та, 1991. – 136 с.

11. Шатуновский, И. Б. Интенциональные предикаты / И. Б. Шатуновский // Семантика предложения и референтные слова (Значение, коммуникативная перспектива, прагматика) / И. Б. Шатуновский. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – Гл. 7. – С. 249–285.

12. Хинтиikka, Я. Логико-эпистемологические исследования / Я. Хинтиikka. – М.: Прогресс, 1980. – 447 с.

КОММУНИКАТИВНАЯ ПАРАДИГМА ПРОСТЫХ ДВУСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Г. С. Масютина

The communicative paradigm of Spanish is dealt with in the article. It analyses the communicative structure of a sentence taking into account its interaction into the context or the communicative situation of stylistically neutral or expressive words location.

Испанские предложения двухкомпонентной синтаксической структуры, состоящие из подлежащего с определяемыми словами и сказуемого, обладают свободным, грамматически не фиксированным, порядком следования синтаксических членов. Употребляются оба возможных варианта словорасположения – SV и VS (где S – подлежащее, V – сказуемое), реализация которых обусловлена в значительной степени актуальным членением предложения. При этом порядок слов в испанских предложениях двухкомпонентной синтаксической структуры отражает тенденцию к последовательному изложению информации: от исходного пункта к коммуникативной сути (т. е. от темы к реме – в расчлененных предложениях, от менее важного в информативном отношении элемента к более важному – в предложениях, не расчлененных на тему и рему.) Инверсия указанной последовательности компонентов актуального членения в испанском языке всегда экспрессивна или стилистически маркирована.

Коммуникативная парадигма простых двусоставных испанских предложений двухкомпонентной синтаксической структуры SV может быть представлена в плане актуального членения предложения пятью актуально-синтаксическими типами, построенными по трем актуально-синтаксическим схемам (I. Rvs, II. Ts – Rv, III. Tv – Rs, где T – тема, R – реме, v – сказуемое, s – подлежащее):

1) нерасчлененные на тему и рему, конситуативно независимые обще-информативные предложения, весь синтаксический